

УДК 1.116+124.3+124.5+93/94

DOI: 10.37482/2687-1505-V300

*ШПЕКА Константин Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры истории, экономики и права Уральского государственного медицинского университета (г. Екатеринбург). Автор 30 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0347-3183>

ПРОГРЕСС ВО ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ. ТАК БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК?

Статья посвящена рассмотрению содержания понятия прогресса в связи с появлением негативного отношения к нему в научной печати. Анализ осуществлен при сопоставлении данного понятия с концепциями эволюции, практики, познания, развития, личности. Автор воспроизводит традиционный критерий прогресса – свободу, но рассматривает его в двух аспектах: научно-техническом и моральном, основывая свои рассуждения на идее бесконечности исторического процесса в связи с непрерывностью практической преобразовательной деятельности человека. Наглядно доказывается наличие во всемирной истории поступательного развития в данных аспектах, обращается внимание на отчетливые изменения техногенной среды, а также моральных норм в различных, исторически обусловленных культурах. При этом автор вскрывает диалектический характер морального прогресса, обосновывая тем самым принципиальную невозможность абсолютной моральности в истории. Вместе с тем упомянутое положение трактуется в качестве основания для опредмечивания труда не только в материальной природе, но и в сфере морали. Борьба добра со злом – бесконечное осуществление трудовой деятельности, направленное на преодоление эгоцентрических стремлений. В статье выявлены причины негативного отношения к прогрессу, которые автор видит, во-первых, в теоретическом разрыве научно-технического и морального прогресса вопреки их диалектическому рассмотрению, а во-вторых, в неоправданном применении к понятию прогресса телеологического принципа, который находится в оппозиции к явлениям научно-технического прогресса и диалектическому единству добра и зла. В результате делается вывод о прогрессивности всемирной истории и ее имманентной незавершенности, а следовательно, незавершенности прогресса. Это является основанием неосуществимости абсолютной свободы в истории.

Ключевые слова: прогресс, свобода, абсолютность, практика, пессимизм, ценности, всемирная история.

*Адрес: 620028, г. Екатеринбург, ул. Репина, д. 3; e-mail: kshpeka@mail.ru

Для цитирования: Шпека К.А. Прогресс во всемирной истории. Так был ли мальчик? // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 5. С. 130–140. DOI: 10.37482/2687-1505-V300

Пожалуй, ключевым значением для осмысления всемирного исторического процесса обладает понятие прогресса. В ходе мировой истории и, соответственно, ее осмысления оценка методологической ценности этого понятия не раз менялась, переходя от высокой к крайне низкой. Сама идея прогресса применительно к анализу исторического процесса появилась, как известно, в Новое время и к началу эпохи Просвещения стала настолько обыденной, что истинность ее не подвергалась сомнению. Нет смысла приводить всем известные взгляды просветителей на историю и их классификации, достаточно сказать, что прогресс в то время связывался прежде всего с «просветлением» человеческого разума, а критерием этого считалась степень свободы, которая трактовалась порой очень широко, вопреки Спинозианскому пониманию свободы как осознанной необходимости, т. е. способности к осмысленному волевому действию, основанному на истинном знании об окружающем мире и господствующей в нем причинно-следственной связи: «Воля не может быть названа причиной свободной, но только необходимой» [1, с. 226]. Правда, иногда были очевидны и теоретические крайности при определении границ свободы. Например, Ж.-Ж. Руссо являлся сторонником максимального снижения нормативности в процессе воспитания человека, т. к. предписания цивилизованного общества подавляют заложенное в нем природой стремление к свободному развитию. Но, пожалуй, самыми радикальными в данном случае можно считать взгляды Прудона, когда уже и государство как внешняя необходимость (аппарат управления общественными отношениями, опирающийся на легальное принуждение) трактуется в качестве противоестественного механизма порабощения человеческой свободы, что приводит к его испорченности. Хотя уже в Новое время существовали более рациональные варианты теоретических построений, определивших свободу в соотношении с политической жизнью социума в качестве познавательной проблемы. Достаточно упомянуть взгляды Гоббса

на государство как третью сторону, чьей задачей является установление рамок дозволенного поведения с целью защиты свободы индивида, основанием которой служат естественные права человека.

Впоследствии наметилась тенденция скептического отношения к понятию прогресса в истории, что, по-видимому, связано с усилением капиталистических отношений в обществе и, как результат, ростом отчуждения индивида. Такие мысли проникли и в русскую философию второй половины XIX века – времени интенсивной промышленной модернизации [2, с. 5]. Но наиболее, на наш взгляд, скептическое толкование прогресса, пропущенное сквозь призму личной оценки, изложил филолог, историк и публицист В.В. Кожин, которого, пожалуй, можно назвать представителем традиционализма. В одной из своих работ он так говорит о невозможности *онтологического* обоснования прогресса: «...крайне сомнительно само уже “выведение” бытия людей из бытия Вселенной в целом, где даже с точки зрения самих прогрессистов нет прогресса (в смысле “совершенствования”); ведь люди, в частности, представляют собой особенный – общественный, социальный – феномен, но и явление природы, элемент Вселенной в ее целом. И сегодня любому мыслящему человеку ясно, например, что колоссальный прогресс техники поставил на грань катастрофы само существование человечества... Словом, можно рассуждать о прогрессе как определенном развитии, изменении, преобразовании общества, но представление о прогрессе как о некоем принципиальном “улучшении”, “совершенствовании” и т. п. – это только миф новейшего времени – с XVI–XVII вв.» [3, с. 31]. Хотя такая точка зрения и производит впечатление обоснованной, в то же время ее можно назвать крайней степенью отрицания положительного содержания понятия прогресса. К тому же в самих рассуждениях Кожина при более внимательном прочтении можно заметить если не противоречие, то путаницу в словах. С одной стороны, он говорит, что следует понимать прогресс как

определенное развитие (правда, дефиниции этого развития, его смысловых контуров он не дает), с другой – не допускает речи о прогрессе как принципиальном развитии. Действительно, говорить о прямом продолжении объективной реальности (в данном контексте – Вселенной) в динамике исторического существования общества не приходится. В философии уже чуть ли не аксиомой стал тезис о несовпадении бытия и мышления в абсолютном смысле. Если бы это было не так, то, суть прогресса состоит в изменении никакого развития и представить себе было бы нельзя, т. к. человек в данном случае уже являлся бы обладателем абсолютного знания, что исключает всяческую оптимистическую познавательную установку. А отрицать накопление знания об окружающем мире и, соответственно, самом себе у человечества – бесперспективное занятие. Такое накопление, разумеется, требует и соответствующего времени, что и находит свое отражение в историческом процессе. Поэтому различные концепции взглядов на окружающий мир, свойственные конкретным историческим эпохам, это своеобразное последовательное проявление *возможного* содержания объективной реальности в сознании человека. Смена же одних концепций другими определяется уровнем преобразующего воздействия человека на эту самую объективную реальность, т. е. общественной практикой, а ее степень – уровнем *развития* производительных сил. Получается, что последовательность исторических эпох основывается на целенаправленной деятельности людей, ориентированной на преобразование окружающего мира, а не является прямым воспроизведением вселенских процессов в общественном сознании, свойственном конкретному историческому промежутку времени. В данном контексте мы согласны с одним из основополагающих тезисов диалектического материализма (как бы к нему ни относились многие политически ангажированные авторы) о *бесконечности человеческого познания равно практики в связи с бесконечностью самой Вселенной, возможное содержание которой отражается в сознании человека в виде своеобразных логически завершенных систем знания определенной эпохи.*

Мнение же о принципиальной невозможности развития основано на том, что смешиваются такие явления, как прогресс материально-технический (и, соответственно, познавательный) и прогресс моральный. Ведь следует признать, что *суть* понятия «прогресс» это все-таки утверждение об изменении качества какого-либо объекта или группы взаимодействующих объектов (системы) в сторону большего совершенства. Вот это-то и является ахиллесовой пятой морального благополучия общественных отношений, пожалуй, любой эпохи. Именно на этом и акцентировано внимание выше процитированного автора.

Если в качестве концептуального «каркаса» при анализе (в данном случае – критике) прогресса взять провиденциалистскую систему идей, согласно которой во всемирной истории существует заранее установленный план развития с конечной целью. Ей является моральное совершенство человека, которому уже не понадобится государственное принуждение в качестве своеобразного регулятора поведения в системе общественных отношений. Это тот общий момент, который, как ни парадоксально, принципиально связывает воедино религиозную философию истории и просвещенческий рационализм, с тем только отличием, что в первом случае рациональность обладает низкой ценностью, а завершение истории (в плане избавления человека от греховности) связано с волей трансцендентной сущности – бога; во втором – финал исторического процесса знаменуется просветлением разума человека, после чего всемирная история приобретает завершенный вид. Несмотря на противоположные мировоззренческие позиции, две эти концепции как раз сходятся во взглядах на принципиальную конечность мировой истории. Если толковать прогресс в рамках таких концепций, то пессимистичное отношение к данному понятию с точки зрения морального совершенствования человека кажется совершенно естественным. Действительно, количество противоправных деяний на сегодняшний день не снизилось, а только возросло.

Да и на обыденном уровне своего существования человеку ежедневно приходится сталкиваться с не самыми приятными с этической стороны поступками в свой адрес. Однако следует признать, что, во-первых, этикет и мораль – это не одно и то же (примерно так же обстоит дело с иррационализмом, когда его сторонники апеллируют к зыбкости, т. е. принципиальной возможности нарушения, правил в жизни человека, но вместе с тем не к нарушению объективных закономерностей, а во-вторых, исходя из фундаментальной идеи о неразрывности противоположностей, необходимо признать, что высшую ценность принципы морали приобретают только как явления, содержащие в себе свою противоположность в снятой форме. Быть моральным – значит преодолеть себя, свои эгоистические побуждения. Итак, мы пришли к выводу, что *скептическое отношение к прогрессу как ошибочному понятию связано с пониманием прогресса только как морального совершенствования человечества во всемирном историческом процессе*. При этом сам исторический процесс и процесс морального восхождения (в религиозных концепциях, основанных на авраамических религиях, ему предшествует нисхождение) отождествляются, что, на наш взгляд, является заблуждением.

Выйти из данной затруднительной познавательной ситуации можно, если проанализировать критерии прогресса. Само слово «критерий» происходит от греческого *kriterion*, что означает «признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо». Критерий как средство оценки применим, разумеется, и к истине, т. е. при помощи него можно удостовериться в истинности суждения либо, наоборот, опровергнуть его. Так что же может считаться средством для определения степени прогрессивности общественных отношений?

Обратим в связи с этим внимание вот на что. Вряд ли кто-то возьмется оспаривать тот факт, что рабовладельческий общественный строй, основанный на прямом физическом

принуждении, менее гуманен, чем капиталистическое общество, с характерным для него иным, более мягким принуждением, следствием которого является отчуждение человека от результатов общественного производства и, далее, от общественных отношений, что прежде всего отражено в дегуманизированной культуре современности. И вряд ли кто бы то ни было сегодня захочет вернуться в эпоху классического рабовладения. Поэтому если вести речь об общественных отношениях, а в данном контексте это мы и стараемся делать, то искомым критерий обнаруживается в социальной сущности человека. Само общество как система устойчивых отношений между людьми для обеспечения жизнедеятельности возникло на основе *фундаментального* биологического свойства человека – крайне низкой адаптивности к условиям среды обитания. Он нуждается в помощи других людей для сохранения себя в родовом смысле. Практика коллективного взаимодействия диалектически сопряжена с практикой преобразования окружающего мира. Это очень длительный процесс. Его интенсивность очерчивает границы исторического пространства, в которых происходит противоречивое взаимодействие общества и природы. Пожалуй, важнейшим фактором, определяющим динамику преобразования, является скорость обмена информацией, получаемой в результате материальной практики, но воспроизводимой в нематериальной форме – в виде знания. Разумеется, чем интенсивней практика, тем более насыщенным и многогранным является и знание, которое впоследствии необходимо также применять на практике. Поэтому обширный конгломерат эмпирических фактов человек систематизирует на основе абстрактных идей (принципов) и создает целостные теории, объясняющие смысл взаимодействия человека и природы, что делает это взаимодействие более осознанным и, соответственно, целесообразным. Вершиной таких теоретических построений являются философские системы взглядов на мир, которые наиболее целостны, т. е. представляют собой результаты теоретического осмысления

бытия с точки зрения взаимодействия материальной природы (первого и второго уровня) и человека как существа, способного осмысливать эту природу. *Востребованность таких систем обществом демонстрирует его прогрессивность.* Чем выше потребность общества в теоретических изысканиях, тем более оно прогрессивно. Соответственно, чем многочисленнее группа людей, осознанно поддерживающих порожденные общественной практикой системы мировоззренческих теорий, тем более оно прогрессивно.

Возвращаясь к искомому критерию, скажем, что преобразующая деятельность человека так или иначе приводит к его освобождению от сил природной необходимости. Достаточно посмотреть на наше современное бытовое окружение, чтобы наглядно в этом убедиться. Следовательно, критерием прогресса можно считать категории, которые характеризуют степень сплоченности общества, но такой сплоченности, которая направлена на освобождение от необходимости, прежде всего природной, довлеющей над ним. Степень независимости от природы возрастает в соответствии с ростом научно-технического знания. Отрицать это невозможно в силу очевидности данной закономерности. Вот почему человек XXI века как сын техногенной цивилизации стоит выше своего архаичного собрата. Правда, о свободе здесь следует вести речь только в относительном смысле, т. е. в сопоставлении с минувшими эпохами и свойственными им достижениями и результатами преобразующей практической деятельности, потому что абсолютного освобождения от сил природы достичь человечеству вряд ли удастся (человек по-прежнему зависит от воздуха, например, без которого не может просуществовать и нескольких минут) и целесообразно этот процесс рассматривать как бесконечную последовательность действий, приближающих определенный идеал, имманентный мировой истории.

Таким образом, степень свободы от природной необходимости – искомый (по крайней мере, один из них) критерий. Он, подобно точ-

ному прибору в лаборатории естествоиспытателя, позволяет обособить одни явления от других с точки зрения их прогрессивности. При этом свобода выступает в качестве принципа, основополагающей идеи, поэтому ее можно назвать общим критерием, а уровень развития научно-технического знания и, соответственно, средств производства, а также переработки и передачи информации – частным. В связи с этим технику следует рассматривать как средство воздействия человека на среду своего обитания в целях ее изменения. Преобразующая деятельность стимулирует и познавательный процесс, тем самым «подпитывая» науку, в которой отражается практика преобразования, но в идеальной форме. Научное знание делает практику более целенаправленной и эффективной. Не случайно классическая наука сформировалась в Новое время – эпоху бурной преобразовательной деятельности в границах европейской цивилизации, а распространению новоевропейского научного знания способствовало изобретение книгопечатания. И, действительно, технически более совершенные средства хранения и передачи информации, как мы уже отметили выше, также свидетельствуют о той или иной степени прогрессивности данного общества (немаловажным показателем здесь следует считать и степень доступности информационных потоков для отдельно взятого человека).

До сих пор мы вели речь о человеке скорее в родовом смысле, т. е. о человечестве, которое выступает источником прогресса, обладая способностью к преобразующей деятельности. Поэтому мы преднамеренно упустили человека как личность, дабы обнаружить критерий прогресса с точки зрения общего принципа. В данном случае человечество – общее, человек как индивид в биологическом смысле – особенное, а человек как личность (совокупность социальных качеств) – единичное. Между этими элементами в структуре понятия человека, безусловно, существует имманентная связь. Наиболее отчетливо она раскрывается при анализе взаимодействия человека с особым типом

объективной реальности – социальной, специфика которой заключается в том, что она рукотворна. Таким образом, взаимоотношения человека как личности и социума так или иначе приобретают форму взаимоотношений индивида и коллектива (общества в целом или конкретной его части в виде специфической и относительно независимой общественной группы). Эта взаимосвязь является довольно напряженной. С одной стороны, общество / коллективная группа навязывает человеку нормы поведения (иногда неформальные), с другой – он стремится к свободе, пытаясь выйти из рамок нормативности, которая так или иначе обезличивает его. Несмотря на социальную природу человека, в т. ч. как личности, общество представляет собой объективную по отношению к нему силу, и единство между ними имеет диалектический характер. Поэтому свобода от социальной нормативности сама собой напрашивается в качестве еще одного критерия прогресса.

В отечественной философии долгое время доминировал подход к трактовке диалектики личности и общества с точки зрения идеологизированного (догматизированного) марксизма. Это философское направление старалось преодолеть односторонность всех учений, показывая, что разрешение данного противоречия достигается в практической деятельности, что личность зависит от общества так же, как и общество зависит от творческой деятельности людей. Человек, познавая законы общества, условия своей жизни, может преобразовывать общественную среду и себя самого в активной, целенаправленной деятельности. Центральной, с точки зрения марксизма, является социальная характеристика личности: объективная – принадлежность к конкретному классу, определяющая место индивида в системе общественных отношений, и субъективная – его мировоззрение. Все верно, но, как можно заметить, место человека, согласно этой теории, в системе общественных отношений определяется классовой принадлежностью, а не мировоззренческой, что чревато абсолютизацией классового

характера личности. В свое время в Советском Союзе перепроизводство идеологии, которая ставила класс однозначно выше личности (хотя между ними диалектическое единство), привело, как нам кажется, к тому, что общество было переутомлено идеологическими штампами. Советская идеология не является в этом смысле чем-то экстраординарным с точки зрения перепроизводства и подавления личности. Схожая ситуация может просматриваться и в иных идеологических моделях, прямо противоположных коммунистическим.

Разумеется, человек формируется в обществе и под влиянием общества проявляются его способности, которые впоследствии служат своеобразным инструментом для наполнения психики индивида конкретным содержанием. Оно включает в себя знания, убеждения, интересы, ценности, профессиональные навыки, что в конечном счете становится фундаментом мировоззрения конкретной личности. Да, человек является субъектом социокультурной деятельности, но в процессе формирования собственного «Я» раскрывается его индивидуальность. Поэтому между коллективом и личностью существуют двунаправленные отношения, порождающие противоречие. В этом диалектическом единстве заключается суть соотношения человека как личности и общества. *Превалирование одной из этих противоположностей чревато разрывом между ними, утратой противоречивого единства и, соответственно, разрушением системы общественных отношений.* Поэтому, несмотря на стремление человека к свободе от социальной нормативности, он вынужден следовать нормативным предписаниям, соблюдать хотя бы элементарные правила поведения, регулирующие взаимоотношения людей в повседневной жизнедеятельности. Вместе с тем означенные предписания (прежде всего – нормы права и морали), ограничивая произвол поведения, создают простор для деятельности в рамках дозволенного. Чем шире эти рамки, тем больше свободы для формирования и деятельности личности предоставляет социальная норма поведения.

Однако на данное утверждение могут возразить указанием на высокую вероятность личного произвола, который чреват социальной энтропией. Поэтому широта нормативных рамок поведения должна быть сопряжена с идеей общего блага. Чем более распространена названная идея в обществе, чем более осознанна ее необходимость, тем более свободна личность. В связи с этим стоит вспомнить платоновскую идею идей, которая впоследствии приобрела форму трансцендентного Единого, представляющего собой основу всего сущего. Однако в неоплатонизме, который представляет собой декадентскую философию, реализация всеобщего блага (совпадение индивидуального и общего) возможна путем экстаза, т. е. в результате выхода за пределы социальных отношений посредством максимального самоуглубления. Поэтому есть резон трактовать всеобщее благо в неоплатонизме как психологическую основу бытия человека, но не как основу практико-преобразующей деятельности человека и, соответственно, общества. Если говорить об объективно существующих общественных отношениях с точки зрения их прогрессивности, то более рациональной будет трактовка всеобщего блага не как трансцендентного основания сущего, а как идеала равно цели общественно-го бытия, идеала, возможность осуществления которого и делает историческое бытие общества прогрессивным.

Итак, научно-техническое развитие, основанное на практике преобразования объективной реальности, является одним из критериев исторического прогресса, т. к. это средство достижения свободы от природной необходимости. Но процесс научно-технического развития бесконечен. Во-первых, потому что человек –

существо психобиологическое, следовательно, хотя бы на уровне телесности существует в соответствии с законами природы, которые в определенной степени, в зависимости от уровня развития цивилизации, продолжают влиять на него¹. Во-вторых, рациональные формы объяснения объективной реальности, в т. ч. социальной, носят исторический характер, т. е. представляют собой идеальные формы отражения определенных фрагментов бесконечной природы, которые в конкретный исторический период преобразованы и познаны. Различные категориально-понятийные конструкции (даже выведенные эмпирически) – это своеобразное идеальное «ограничение» бесконечной объективно существующей реальности, и, стало быть, они могут быть верифицированы в любой момент в связи с накоплением нового эмпирического материала (равно с ростом интенсивности преобразовательной деятельности). Поэтому вести речь о принципиальной достижимости абсолютного знания применительно к анализу понятия прогресса нельзя. История бесконечна, утверждения о конце истории и принципиальной невозможности дальнейшего познания преждевременны, что, кстати, признал в одной из своих последних работ известный «скандалист» Ф. Фукуяма [4].

Попробуем рассмотреть вторую сферу приложения критерия прогресса – сферу морали. В данном контексте понятие свободы приобретает смысл свободы от социальной нормативности, объективной – необходимой – по отношению к личности. По сути, это свобода поведения для реализации собственных интересов, основанных на индивидуальных способностях. Разумеется, данные интересы должны быть осознанными. Это происходит в процессе онтогенеза

¹Правда, в связи с развитием биотехнологий появляется возможность искусственного воспроизводства человека, обладающего более высокими адаптационными характеристиками. Однако уровень развития научного знания пока не позволяет реализовать этот проект в лабораторных условиях с полным соответствием заданному плану, т. к. велика вероятность отклонения от него. Также возникает и морально-нравственная проблема, связанная с утратой возможности самоопределения для личности в системе общественных отношений, т. к. искусственное воспроизводство чреват онтогенезом в заранее смоделированной информационной среде, которая полностью формирует личность.

(приобщения к общесоциальному опыту в ходе индивидуального становления). Чем больше возможностей общество и государство предоставляет индивиду для реализации его интересов, тем более оно прогрессивно. При этом становление человека как личности в практике социального общения не должно нарушать границ дозволенного поведения (в юридическом аспекте это запрет деяния, установленный нормой права, в моральном – достоинство другого человека как личности, за оскорблением которого следует общественное порицание).

Посмотрим на проблему морального прогресса теперь в связи с приведенным в начале статьи мнением В.В. Кожина. Как кажется, в процитированных словах речь идет вот о чем: ни раньше, ни сейчас, да и, возможно, в будущем, не наступит такого уровня прогресса, который ознаменуется полным торжеством морали. Да, такой сценарий исторического процесса утопичен, это бесспорно. Моральный облик Сократа по сравнению с многими историческими личностями современности гораздо выше. Но подобный пессимизм основан на представлении в той или иной форме о принципиальной достижимости в абсолютной цели мировой истории, т. е. ее принципиальной конечности. Постоянное столкновение добра и эгоизма (морального релятивизма, беспринципности) – неотъемлемое условие бытия человека как «общественного животного», т. к. создает возможность для осознания своей собственной моральности на основе различия добра и зла, между которыми происходит бесконечная борьба. Эту борьбу между моральным и аморальным, с нашей точки зрения, следует понимать как своеобразное опредмечивание труда человека. Без труда в моральной сфере общественных отношений ему грозит расчеловечивание, а обществу в целом – распад. В связи с этим стоит обратить внимание на то, что быть

личностью – тяжелый труд, связанный с подавлением в себе эгоизма и нацеленный на формирование самодисциплины. «Свобода, следовательно, состоит в основанной на познании необходимости природы господства над нами самими и над внешней природой; она поэтому является необходимым продуктом исторического развития» [5, с. 116]. Обратим также внимание, что законодательство современных стран предоставляет своим гражданам свободу выбора профессии, сферы приложения труда – той характеристики, которая является отличительной для человека. Поэтому современность с моральной точки зрения все же более прогрессивна, чем, например, Средневековье с его сословным правом.

Таким образом, будем считать, что в мировой истории присутствует прогресс, критерием которого следует считать свободу, во-первых, как относительную независимость от сил природы, во-вторых, как социально-нормативное основание для самовыражения человека².

На основании чего же появляется обозначенный в начале пессимизм по отношению к понятию прогресса в мировой истории? Как ни странно, на основании самого прогресса, ведь он неразрывно связан со своей противоположностью – регрессом. Прибегнем к наглядности. Вообразим окружность, разделенную на секторы, каждый из которых представляет собой участок земной поверхности, населенной разными группами людей. В определенный момент в одном секторе происходит переход от присвоения природных благ к их производству, а это, в свою очередь, приводит к усложнению структуры общества и изменению границ секторов. Территориальная и культурная «перекройка» мира сопутствует всей истории человечества и является, по сути, закономерностью развития [6, с. 53]. Параллельно с этим при условии взаимовлияния формируется духовная «оболочка» матери-

²Преодоление сословности этому, несомненно, способствует. Поэтому классовое общественное сознание более прогрессивно, но при условии несоответствия изменяющимся общественным реалиям становится тормозящим явлением, т. к. полного сведения личности к классу достичь невозможно и при отсутствии необходимости общественной мобилизации сильный акцент на классовости приводит к социальной напряженности.

альной жизни общества (мифология, религия и т. д.), внутри которой появляется иерархия ценностей, определяющих отношение человека к миру. Она включает в себя объективные и субъективные ценности. Первые – социальные нормы, вторые – индивидуальные предпочтения в рамках социальных норм. Чем больше они соответствуют друг другу, тем больше человек удовлетворен своим положением в обществе. При изменении системы объективных ценностей субъективные остаются неизменными, т. к. процесс онтогенеза необратим, и одному поколению становится трудно понимать представителей другого. Чем стремительней динамика объективных ценностей, тем ниже степень удовлетворенности человека своим положением в обществе, что может привести к культурному нигилизму [7–8] и в дальнейшем к «исторической амнезии» [9].

Так, пожалуй, выглядит механизм формирования пессимистических воззрений на прогресс. По сути дела, здесь мы наблюдаем процесс «отрыва» труда от сложившейся системы общественных отношений под влиянием внедрения научно-технических нововведений в общественное производство. Сегодняшний день, в частности, демонстрирует высокую компьютеризацию жизни (в т. ч. и образования) [10, с. 3–5], что приводит к увеличению объема, скорости потоков информации и их доступности. В связи с этим налицо путаница в смыслах, а отсюда и снижение ценности получаемой инфор-

мации, отчуждение и восприятие социальной жизни как хаоса, бессмыслицы. В подобных условиях «размываются» ориентиры для определения труда, т. к. сферы его приложения стремительно трансформируются.

Итак, мы пришли к выводу, что всемирно-исторический процесс прогрессивен. Прогресс основан на практике преобразования окружающего мира. Критерием прогресса в соответствии с философской традицией можно считать свободу, под которой следует понимать относительную независимость от природной необходимости и социальной нормативности. Прогресс бесконечен в силу бесконечности объективной реальности, поэтому абсолютная свобода недостижима, что служит основанием для бесконечности трудовой деятельности, сферой приложения которой является не только материальная практика, но и мораль. Пессимистическая оценка понятия прогресса основана на ложном понимании целевой причины всемирного исторического процесса, когда целесообразность развития, определяемая конкретно-историческими условиями эпохи, подменяется телеологичностью, представлением о всеобщей принципиально достижимой цели мировой истории. Отсутствие результатов, свидетельствующих о достижении всеобщей цели, приводит к разочарованию в прогрессе, что наиболее ярко проявляется в кризисные исторические периоды, когда резкий скачок производительных сил «размывает» иерархию объективных ценностей.

Список литературы

1. Спиноза Б. Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье; Трактат об усовершенствовании разума; Этика. М.: Мир книги, 2007. 478, [1] с.
2. Леонтьев К.Н. Записки отшельника. М.: АСТ, 2004. 237, [2] с.
3. Кожин В.В. Россия. Век XX (1901–1939). История страны от 1901 г. до «загадочного» 1937. Опыт беспристрастного исследования. М.: Алгоритм: Крым. мост, 2001. 560 с.
4. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: [последствия биотехнологической революции]. М.: АСТ, 2008. 349 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 20. М.: Политиздат, 1961. 827 с.
6. Емельянов В.В. Исторический прогресс и культурная память (о парадоксах идеи прогресса) // Вопр. философии. 2011. № 8. С. 46–57.

7. Гринева О.А. Необходимость нравственного прогресса в современной цивилизации // Инновации. Наука. Образование. 2022. № 50. С. 2979–2982.
8. Юльяхин М.М. Дегуманизация как оборотная сторона научно-технического прогресса // Сб. конф. НИЦ Социосфера. 2012. № 5. С. 91–94.
9. Горохов П.А., Южанина Е.Р. Влияние интернет-ресурсов на феномен исторической памяти: опыт философского исследования // Филос. и гуманитар. науки в информ. о-ве. 2022. № 1(35). С. 12–41.
10. Роберт И.В. Теория и методика информатизации образования (психолого-педагогический и технологические аспекты). М.: Бином. Лаб. знаний, 2014. 398 с.

References

1. Spinoza B. *Kratkiy traktat o Boge, cheloveke i ego schast'e; Traktat ob usovershenstvovanii razuma; Etika* [Short Treatise on God, Man, and His Well-Being; Treatise on the Emendation of the Intellect; Ethics]. Moscow, 2007. 478 p.
2. Leont'ev K.N. *Zapiski otshel'nika* [Notes of a Hermit]. Moscow, 2004. 237 p.
3. Kozhinov V.V. *Rossiya. Vek XX (1901–1939). Istoriya strany ot 1901 g. do "zagadochnogo" 1937. Opyt bespristrastnogo issledovaniya* [Russia. 20th Century (1901–1939). History of the Country from 1901 to the "Mysterious" 1937. An Impartial Research]. Moscow, 2001. 560 p.
4. Fukuyama F. *Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution*. London, 2002. 256 p. (Russ. ed.: Fukuyama F. *Nashe postchlovecheskoe budushchee: posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii*. Moscow, 2008. 349 p.).
5. Marx K., Engels F. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 20. Moscow, 1961. 827 p.
6. Emel'yanov V.V. Istoricheskiy progress i kul'turnaya pamyat' (o paradokсах idei progressa) [Historical Progress and Cultural Memory (on Paradoxes of Idea of Progress)]. *Voprosy filosofii*, 2011, no. 8, pp. 46–57.
7. Grineva O.A. Neobkhodimost' нравstvennogo progressa v sovremennoy tsivilizatsii [The Need for Moral Progress in Modern Civilization]. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*, 2022, no. 50, pp. 2979–2982.
8. Yul'yakhin M.M. Degumanizatsiya kak oborotnaya storona nauchno-tekhnicheskogo progressa [Dehumanization as the Flip Side of Scientific and Technological Progress]. *Sbornik konferentsiy NITs Sotsiosfera*, 2012, no. 5, pp. 91–94.
9. Gorokhov P.A., Yuzhanina E.R. Vliyaniye internet-resursov na fenomen istoricheskoy pamyati: opyt filosofskogo issledovaniya [The Influence of Internet Resources on the Phenomenon of Historical Memory: A Philosophical Study]. *Filosofskie i gumanitarnye nauki v informatsionnom obshchestve*, 2022, no. 1, pp. 12–41.
10. Robert I.V. *Teoriya i metodika informatizatsii obrazovaniya (psikhologo-pedagogicheskiy i tekhnologicheskiy aspekty)* [Theory and Methods of Informatization of Education (Psychological, Pedagogical and Technological Aspects)]. Moscow, 2014. 398 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V300

Konstantin A. Shpeka

Ural State Medical University;
ul. Repina 3, Yekaterinburg, 620028, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0347-3183> e-mail: kshpeka@mail.ru

PROGRESS IN WORLD HISTORY. HAS IT EVER REALLY HAPPENED?

This article studies the content of the concept of progress in connection with the emergence of negative attitudes towards it in scientific publications. The analysis is carried out by comparing progress with the concepts of evolution, practice, cognition, development and personality. The author

For citation: Shpeka K.A. Progress in World History. Has It Ever Really Happened? *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 5, pp. 130–140. DOI: 10.37482/2687-1505-V300

reproduces the traditional criterion of progress, i.e. freedom, but considers it in two aspects: scientific-technical and moral, basing his reasoning on the idea of the infinity of the historical process due to the infinity of practical transformative human activity. The paper clearly demonstrates progressive development of these two aspects in world history, paying attention to distinct changes in the man-made environment, and points out the existence of moral norms in various historically conditioned cultures. At the same time, the author reveals the dialectical nature of moral progress, thereby justifying the fundamental impossibility of absolute morality in history. However, this provision is interpreted here as the basis for the objectification of labour not only in material nature, but also in the sphere of morality. The struggle of good against evil is an endless exercise of labour aimed at overcoming egocentric aspirations. Further, the article identifies the reasons for the negative attitude to progress. They are seen, firstly, in the theoretical gap between the scientific-technical and moral progress in spite of their dialectical consideration and, secondly, in the unjustified application of the teleological principle to the concept of progress, this principle being in opposition to the phenomena of the scientific-technical progress and to the dialectical unity of good and evil. As a result, the author makes a conclusion about the progressiveness of world history and its immanent incompleteness and, consequently, the incompleteness of progress. This is the basis for the impossibility of absolute freedom in history.

Keywords: *progress, freedom, absoluteness, practice, pessimism, values, world history.*

Поступила 19.01.2023
Принята 10.10.2023
Опубликована 30.10.2023

Received 19 January 2023
Accepted 10 October 2023
Published 30 October 2023